

— Из хранилища Технической школы магии только что стащили проклятый объект особого ранга, — заговорщически прошептал Сатору, приставив ладонь к губам, будто делился великой тайной. — Ты ведь слышал сирену? Яга сейчас в таком бешенстве — дым из ушей идёт! И надо же было такому случиться: именно в этот момент в твоей комнате поднимается подозрительный шум, да вдобавок...

—...на месте кражи обнаружили остаточные следы твоей проклятой энергии, — закончил за него Сугуру.

— Чего? — тупо переспросил Харе.

От пережитого напряжения его голова соображала туго, и парень отреагировал с явной задержкой.

Первой мыслью Харе было облегчение. Слава богу, пронесло! Значит, они пришли не за Сукуной. Не придётся объяснять, какие странные отношения их связывают, и никто не заклеит его проклятием. Всё благодаря тому, что Сукуна теперь стал его личным проклятым духом и полностью перенял его ауру — заметить подвох со стороны практически невозможно.

Парень мысленно возликовал. По-детски наивно улыбнувшись, он принялся растирать затекшие скулы, которые до сих пор ныли после мёртвой хватки Сукуны, и попытался подняться.

Но на полпути его осенило, о чём именно только что сказал Сатору. Улыбка мгновенно сползла с его лица.

— Погодите... Ограбление? И там нашли мои следы?

— Это не я! Клянусь вам, это не я! — затараторил он, отчаянно указывая в сторону развороченного угла. — Я всё время сидел здесь! Честно! Я даже объяснительную писал, вон она, на столе лежит... Точнее, не дописал ещё. Я же только-только перевёлся, я понятия не имею, где в этой Технической школе магии хранят проклятые объекты! Пожалуйста, поверьте мне, я... ай!

Он слишком резко взмахнул рукой. Повреждённая плоть на боку отозвалась резкой вспышкой боли — клыки Сукуны вонзились глубоко, и теперь из прокусов снова заструилась горячая кровь. Харе со стоном согнулся пополам, шумно втянув сквозь зубы воздух.

Ворвавшиеся в комнату маги, заведя раненого и скорчившегося на полу парня, тут же опустили оружие. Напряжение, витавшее в воздухе с момента их появления, заметно спало.

Аки Хаякава, оказавшийся ближе всех к разгромленному рабочему месту, наклонился над грудой щепок — бывшим письменным столом, пострадавшим при штурме. Выудив из-под

обломков помятый лист бумаги, он пробежался по нему глазами. Почерк был небрежным, торопливым, но это действительно была недописанная объяснительная записка.

— Тут и пары сотен слов не наберётся. Пишешь с той же черепашьей скоростью, что и Дэндзи, — вздохнул Аки, бережно вкладывая листок между страниц уцелевшей книги, чтобы тот не затерялся в мусоре. — Хотя это всё равно лучше, чем Пауэр, которая вообще двух слов связать не может.

Сатору неподдельно изумился:

— Надо же, в нашем мире реально существуют дети, которые послушно строчат объяснительные по первому требованию! Что это за святой ребёнок?

Сугуру внимательно оглядел Харе. Его намётанный глаз сразу подметил влажные белые ресницы и покрасневшие веки — парень явно плакал. На щеке виднелась свежая царапина, губы припухли, а на шее и запястьях проступали багровые следы от чужих пальцев. Но хуже всего выглядел бок: жуткая дугообразная рана тянулась от нижних рёбер до самого бедра. Следы глубоких укусов не оставляли сомнений в том, как именно она была получена.

Гето ни на секунду не поверил в виновность новичка. Это чувство — чистая интуиция — появилось у него ещё по дороге сюда. Харе не был способен на предательство, но в этой комнате явно произошло нечто из ряда вон выходящее. И судя по испуганному лицу парня, он отчаянно пытался скрыть правду.

Сугуру на мгновение задумался, затем опустился на одно колено и осторожно осмотрел кровоточащий бок. Закончив осмотр, он поднял голову и обменялся выразительным взглядом с Сатору.

Хранилище Технической школы магии защищено сложнейшими барьерами. Опасные реликвии уровня пальцев Рёмэна Сукуны прячут так глубоко, что даже лучшие студенты не знают точного расположения тайников. Пробраться туда незамеченным — задача запредельной сложности. Но даже если предположить невозможное, Харе никак не успел бы проверить кражу, получить эти увечья, вернуться в общежитие за считанные минуты и при этом не переполошить их с Сатору. Это просто не укладывалось в голове.

Сатору уловил безмолвный вопрос друга. Сдвинув круглые очки на кончик носа, он прищурил свои бездонные лазурные глаза и едва заметно кивнул, подтверждая ход его мыслей.

Сугуру поднялся на ноги и повернулся к дверному проёму:

— Директор Яга, мы с Сатору уверены, что Харе непричастен к этой краже. Он тяжело ранен. Может, позовём Сёко, чтобы она подлатала его?

— Ха-ха! Вот когда Великая Я станет директором, тогда Я лично разрешу его вылечить! — встряла Пауэр, которая вообще не понимала, что происходит.

Они с Дэндзи терпеливо ждали, пока Аки приготовит им поздний ужин, как вдруг этот треклятый оглушительный вой сирены испортил им все планы. Желудок Пауэр до сих пор требовал обещанного мяса. Однако, услышав слова челкастого о лечении новичка, она вспомнила те безумно вкусные леденцы, которые стащила из рюкзака Харе. Раз у него водились такие сладости, значит, парень он неплохой. Так почему бы не поддержать его?

В коридоре повисла тяжёлая пауза. Наконец у входа показался Яга Масамичи. Держа руки за спиной, он сурово посмотрел на раненого юношу.

— Исчезновение пальца Сукуны и следы твоей проклятой энергии на месте преступления — это неоспоримые факты. Старейшины из Главного управления не удовлетворятся вашими догадками. Харе, если тебе что-то известно, говори сейчас же.

— Да плевать этим дряхлым маразматикам на расследование, они только и умеют, что трястись от страха по любому поводу, — фыркнул Сатору. Одно упоминание верхушки магов всегда вызывало у него раздражение. — Перевязка займёт пару минут, никто от этого не умрёт.

Яга оставался непреклонен. Харе появился в Технической школе магии без рода и племени, а на территории находилось множество незащищённых вспомогательных кураторов. Долг директора — обеспечить их безопасность, и самым разумным решением сейчас было бы сковать парня печатями.

Вздыхнув, он сухо произнёс:

— Мы обязаны принять меры. Если он нападёт на кого-то из персонала...

— Ха! — бесцеремонно оборвал его Сатору.

Он вольготно устроился на обломке деревянной балки перекрытия второго этажа. Зацепив пальцем дужку очков, он опустил их, открывая миру свои невероятные, сияющие даже в полумраке лазурные глаза. На его губах играла дерзкая, самодовольная усмешка.

— О каком нападении речь, директор? Вы забыли, что здесь нахожусь я?

Яга промолчал. Против этого аргумента крыть было нечем.

Харе молчал с той самой секунды, как Сугуру заступился за него. В груди разлилось щмящее тепло, а к горлу подступил удушливый ком. Когда же они с Сатору начали в один голос требовать сперва обработать его раны, парень окончательно потерял контроль над эмоциями.

«Ну почему они такие... такие невероятно добрые ко мне? Мои папа и мама...»

Он низко опустил голову, и крупные слёзы заструились по его щекам. На этот раз дело было не во врождённой плаксивости — ему действительно было невыносимо горько и в то же время радостно на душе. Навзрыд плачущий подросток выглядел настолько беззащитным, что даже суровый директор Яга не нашёлся что сказать.

— Не бойся, — мягко произнёс Сугуру, присаживаясь рядом. — Если ты не виновен, никто тебя не тронет. Мы с Сатору лично найдём того, кто это сделал.

Харе шмыгнул носом и послушно кивнул. Страху не было и в помине — лишь беспредельная, переполняющая сердце благодарность.

Вскоре прибежала Сёко. Осмотрев повреждения, она быстро и умело обработала укусы Обратной проклятой техникой, остановив кровотечение и стянув края разорванной плоти.

Переодевшись в чистое, Харе под конвоем директора Яги спустился в подземный сектор Технической школы магии, где располагались специальные изоляторы.

Эти сырые подземелья тянулись на многие мили под Технической школой магии. В своём родном мире Харе не раз бывал здесь — именно в таких камерах маги держали пленных проклинателей и особо опасных духов. Стены изоляторов были сплошь обклеены сдерживающими печатями, образующими мощный защитный барьер, а самих узников обычно сковывали дополнительными путами, полностью блокирующими проклятую энергию.

Впрочем, к нему отнеслись на удивление снисходительно. Вместо тяжёлых кандалов на запястьях защёлкнули самые обычные стальные наручники — простая бутафория, лишённая каких-либо магических свойств.

Тяжёлая кованая дверь с глухим стуком захлопнулась. Камера погрузилась в полумрак, рассекаемый лишь тусклым, колеблющимся пламенем нескольких древних масляных ламп.

Мысли Харе путались. Заклятый враг, которого он поклялся уничтожить, теперь заперт внутри его собственного тела. Из-за наложенного обета они связаны по рукам и ногам — ни один не может причинить другому смертельный вред. Как разорвать эти невидимые тиски, парень не представлял.

Усевшись прямо на холодный каменный пол, он обхватил колени руками и погрузился в безрадостные раздумья.

Тем временем на вершине горы черепов, во врождённой территории Рёмэна, царило мрачное безмолвие. Всевластный и высокомерный Король проклятий, обычно не знающий сомнений, сидел, подперев подбородок рукой, его лоб прорезала глубокая складка.

Что за чертовщина? Он ведь всего лишь укусил этого мальчишку и слизнул пару капель его крови. Почему же тело горит изнутри, словно объятые адским пламенем?

Этот жар требовал выхода, пробуждая дикую, почти животную жажду. В памяти навязчиво всплывал образ: податливый, насильно раскрытый рот, влажный розовый кончик языка, беззащитно трепетавший под его пальцами, и то, как этот сопляк сидел на нём верхом, обхватив бёдрами его поясницу.

Тяжёлая, пульсирующая похоть сосредоточилась внизу живота. Стоило Сукуне вспомнить миг, когда Харе втянул его обратно в своё тело, как эта волна накрыла его с головой. Налившаяся кровью плоть требовала разрядки, бесцеремонно вмешиваясь в его обычно холодные, расчётливые мысли.

— Тц, — раздражённо процедил Король проклятий сквозь зубы.

Его злило вовсе не само возбуждение. В конце концов, мужская плоть создана для подобных реакций, пусть даже за всю свою тысячелетнюю жизнь он ни разу не снизошёл до плотских утех с кем бы то ни было.

Непостижимым и по-настоящему бесящим было другое: он не испытывал к этому сопляку ровным счётом никаких нежных чувств, но его собственное тело предательски вышло из-под контроля.

Сукуна всегда жил лишь собственными прихотями. Человеческая мораль, законы и правила приличия вызывали у него лишь презрение — для него не существовало никаких запретов.

Но даже при всём своём безумии он всегда обладал абсолютной властью над собственным разумом и телом. Не могло быть такого, чтобы жалкое человеческое отродье подчинило его волю животному инстинкту.

«Раз уж я не могу найти ответ...»

Кроваво-красные глаза проклятия медленно опустились к его лодыжкам, где тускло мерцали звенья багровых цепей нерушимого обета.

«...придётся его выбить».